

Реформа РАН: лучше ужасный конец, чем ужас без конца

Попытка реформировать Российскую академию наук, вполне разумная по замыслу и давно назревшая, уже привела к острому конфликту с научным сообществом, без поддержки которого успех реформы невозможен

Борис Жуков

Как восприняло российское общество объявленную в конце июня 2013 года реформу РАН и других государственных академий? Если судить об этом по освещению на федеральных телеканалах и в других подконтрольных государству медиа, то никак: упоминания о предстоящем преобразовании высшего научного учреждения страны в них редки, кратки и исполнены сдержанного позитива. Если же неосторожно заглянуть в блоги (особенно те, авторы которых сами трудятся в академических институтах), то взору предстанет картина скорого и неизбежного уничтожения всей российской фундаментальной науки. Неприятие вызывают все основные пункты предлагаемых изменений, но более всего — перспектива лишения Академии полномочий по управлению институтами, их имуществом и бюджетным финансированием. Именно эта организационная мера, по мнению протестующих, демонстрирует истинные цели затеянной реформы: отобрать и распродать принадлежащую Академии недвижимость и другое ликвидное имущество, откупившись от его нынешних управителей подачкой в виде резкого увеличения денежного содержания, а десятки тысяч научных сотрудников просто выставив на улицу. И это, мол, совершенно

ясно и не требует доказательств, а если кто-то оценивает перспективы затеянного начинания по-другому, то он либо получает зарплату в Минобрнауки (откуда и исходит устрашающий проект), либо надеется сам пожить в отчуждаемым имуществом.

Насколько такое восприятие соответствует реальности?

Министерство на общественных началах

Прежде всего вспомним о том, что имущество, которое сегодня «чиновники пытаются отобрать у ученых», не принадлежит РАН и никогда ей не принадлежало. Все земли, здания, оборудование и прочая материальная база как самой Академии, так и подведомственных ей институтов — безраздельная собственность федерального государства. Академия лишь распоряжается этим имуществом. Распоряжается именно от лица собственника-государства — хотя, согласно своему уставу, она представляет собой *общественную организацию*, независимую от государства и вообще не подотчетную никому, кроме собственных членов, которых сама же и выбирает.

Парадоксальным образом этот странный порядок сложился именно в тот период

отечественной истории, когда огосударствлению подвергались буквально все сферы общественной жизни. В первые годы после гражданской войны те маститые российские ученые, которые не решились или не смогли эмигрировать, искали возможность продолжать свою работу, не теряя лица. С другой стороны, большевистские вожди, не располагая собственными научными кадрами и не имея возможности быстро подготовить их за рубежом, всячески старались привлечь национальную научную элиту к сотрудничеству. Результатом этих обоюдных усилий стал

в одной из комнат в доме или даже квартире ученого, а работали в ней лишь сам хозяин, один-два ассистента и лаборант, все это хозяйство не требовало ни заметных расходов, ни специального административного аппарата. Позднее, в XIX веке, фундаментальная наука в России (как и во всех странах, где она вообще была) переместилась в основном в университеты и другие высшие учебные заведения (например, бесспорным центром российских физиологических исследований стала петербургская Военно-медицинская академия). Общее число учреждений, непо-

“Автономия АН СССР довольно быстро обернулась фикцией: Академия пополнила собой список советских организаций, полностью подконтрольных власти”.

своеобразный «конкордат»: в 1925 году ЦИК и СНК признали Академию (которая с этого момента из «Российской» стала «Академией наук СССР») «высшим Всесоюзным ученым учреждением». Большевики не только сохранили бюджетное обеспечение АН и — на первых порах — ее внутреннюю автономию, но и передали ей некоторые государственные полномочия. В частности, на нее возлагалось управление — не только научное, но и административно-хозяйственное — практически всеми учреждениями, которые занимались фундаментальными исследованиями.

Здесь надо сделать экскурс в еще более отдаленные времена. При своем учреждении в 1724 году Академия (как и другие европейские академии XVIII века, послужившие для нее образцом) была тем, что сегодня назвали бы «постоянным междисциплинарным семинаром». При ней было создано некоторое количество лабораторий и кабинетов, работой которых руководили члены Академии или назначенные ею лица. Но в условиях, когда вполне приличная физическая или химическая лаборатория могла размещаться

средственно подчиненных Академии (и в еще большей мере — число их сотрудников), в это время даже выросло, но их доля в национальной науке была сравнительно невелика. Впрочем, фундаментальная наука в XIX — начале XX века во всем мире все еще оставалась немногочленной и сравнительно дешевой областью деятельности, при этом Россия не входила в число ведущих научных держав. Период превращения фундаментальной науки в массовую индустрию — с огромными бюджетами, циклопическими установками, сотнями тысяч сотрудников и прочным положением в списке приоритетов государства — начался только после Первой мировой войны. То есть как раз в то время, когда российская академия — единственная среди национальных академий мира — неожиданно получила полномочия государственного ведомства, фактически превратившись в «наркомат непромышленной науки».

Разумеется, автономия АН СССР довольно быстро обернулась фикцией: Академия пополнила собой список советских организаций, полностью подконтрольных власти,

но формально числящихся «общественными» и «самоуправляемыми». Еще важнее то, что реальное проведение государственной научной политики (включая создание и ликвидацию научных институтов, назначение и увольнение их руководителей, определение приоритетных направлений исследований, закупку и производство оборудования, распределение финансов и т. п.) вскоре стало функцией партийно-государственных органов — прежде всего, отдела науки ЦК. Отношения между этим органом и АН СССР на разных этапах складывались по-разному и далеко не всегда сводились к противостоянию компетентных и свободолобивых ученых невежественному волюнтаризму партийных функционеров¹. Так или иначе партийные органы без труда оформляли свои решения как постановления Президиума АН (если вообще считали это нужным), сама же Академия могла в лучшем случае выступать с инициативами и ходатайствами, не имея возможности самостоятельно не только учредить новый институт, но даже изменить размер лаборантской зарплаты или дать квартиру переведенному из одного города в другой профессору. Но в 1991 году отдел науки вместе с прочими партийными управленческими структурами скоростно канул в Лету, и Академия (снова ставшая «российской» и к тому же значительно увеличившая число своих членов) оказалась полноправным распорядителем огромной отрасли — не только де-юре, но и де-факто.

Однако внезапно свалившаяся свобода не принесла российской науке процветания: в первое постсоветское десятилетие ее положение оказалось, пожалуй, хуже, чем когда-либо со времен гражданской войны. Что, конечно, не было виной Академии или ее руководства. Ни в одной стране мира сегодня фундаментальная наука не может существовать без серьезного и стабильного государственного финансирования. Времена, когда

важнейшие законы природы можно было открывать, бросая камушки из окна или считая горошины, выросшие на паре грядок в монастырском садике, прошли безвозвратно. Для российского научного сообщества главной задачей в те годы оказалось элементарное выживание — и мало кому удалось решить ее, не жертвуя ничем существенным.

Те, кто работал в 1990-е в российской науке или наблюдал ее с близкого расстояния, могут привести немало примеров удивительных способов выживания — иногда поражающих остроумием, иногда вызывающих сочувствие или даже чувство неловкости. Нестандартные и порой мучительные решения приходилось принимать и отдельным ученым, и лабораториям или исследовательским группам, и целым институтам. Единственное, о чем мы никогда не услышим в этих историях, — это о нестандартных решениях, принятых РАН.

Конечно, в распоряжении руководства Академии были весьма скудные ресурсы, но и ими можно было распорядиться по-разному. Можно было принять болезненные решения о сокращении сети академических учреждений, с тем чтобы обеспечить оставшимся минимально необходимое финансирование. Или использовать международные связи Академии, авторитет ее имени и сочувственное отношение иностранных коллег к бедам российской науки для более активного привлечения в Россию грантов и других форм зарубежного финансирования научной работы. Или попытаться найти какие-то иные, дополнительные источники финансирования.

Теперь уже никто не скажет, насколько эффективными оказались бы эти попытки, поскольку ни одна из них так и не была предпринята. На протяжении всех «тощих годов» российской науки руководство РАН во главе с ее бессменным президентом Юрием Осиповым придерживалось единственной стратегии: по возможности ничего не менять.

Тощее бюджетное финансирование аккуратно размазывалось по всем подведомственным учреждениям в соответствии с административным весом и пробивными способностями их руководителей, а прочие средства ученые и институты добывали сами, как умели. Учились грамотно составлять заявки на гранты, очаровывали играющих в меценатство олигархов, сдавали в аренду площади и уникальное оборудование². Роль Академии в лучшем случае сводилась к тому, что она не препятствовала этой деятельности. Бывало и хуже: в те годы академическое руководство неоднократно предпринимало попытки ограничить прямой доступ сотрудников своей системы к зарубежным грантам. Результат этих попыток, правда, обычно равнялся нулю (каждая грозная директива порождала лишь некоторое количество ответных бумаг-отмазок, после чего благополучно забывалась), но сам их факт производил отчетливое впечатление, что для Президиума РАН важен даже не столько объем финансирования науки, сколько сохранение полного контроля над этим финансированием — «лучше пусть поменьше, но только через нас». О том же свидетельствовала и успешная борьба руководства РАН против преобразования наиболее успешных академических институтов в государственные научные центры (что означало бы их финансирование отдельной строкой в бюджете, то есть более щедрое и стабильное — но помимо РАН).

Институт белочки и другие

Пока государство было не в состоянии выполнять даже собственные убогие финансовые обязательства перед наукой, оно предпочитало лишний раз не вмешиваться во внутреннюю жизнь академического сообщества. Но в 2000-е годы у российского государства появились деньги — а вместе с ними и амбиции. Политическое руководство страны вдруг заметило, что Россия вновь выпала из числа великих научных держав, и вознамерилось

это немедленно исправить. Что неизбежно повлекло за собой решение властей реформировать систему управления фундаментальной наукой.

Сама по себе ситуация, когда государственным имуществом и финансами распоряжается организация, никак государству не подконтрольная, хоть и странная, но не выглядит априорно недопустимой. Современный менеджмент допускает самое разнообразное распределение полномочий, и никого уже не удивляют понятия «оператор проекта», «управляющая компания», «уполномоченный агент» и т. д. Правда, обычно такие отношения практикуются в конкурентной среде, где собственник может выбирать, кому он доверит управление своей собственностью, а при необходимости — изменить свой выбор. Но, как бы то ни было, вопрос, в сущности, сводится к тому, насколько эффективно РАН выполняет свою функцию управления исследовательскими учреждениями.

Ответить на этот вопрос непросто. Начать с того, что универсальных и бесспорных критериев оценки научной работы попросту нет. Все используемые для этого показатели (число публикаций в реферируемых журналах, индекс цитирования и т. д.) имеют те или иные существенные изъяны и сильно зависят от привходящих факторов. Но даже если ориентироваться на них, надо еще как-то вычленить, как влияет на них качество научного менеджмента. Всегда ведь можно сказать, что непропорционально низкий (и продолжающий снижаться) вклад российских ученых в мировую научную литературу — результат не плохой организации научной работы, а недостаточного финансирования, износа оборудования или вообще наследие «лихих 90-х», когда из-за массового оттока молодежи из науки нарушилась преемственность поколений в научном сообществе.

Однако ни на какое недофинансирование и ни на какое наследие 1990-х нельзя

списать неповторимый фирменный стиль работы аппарата РАН, знакомый всякому, кто сталкивался с этой структурой. Можно долго рассказывать о сроках прохождения документов, о грозных предписаниях сдать такие-то и такие-то документы к такому-то сроку, приходящих в институты месяца через два-три после того, как этот срок истек, и т. д. Но, пожалуй, наглядней всего этот стиль может быть проиллюстрирован историей с англоязычной версией официального сайта Академии. Года три назад на эту страничку

перевода. И, даже не посмотрев, что получилось, вывесил результат на официальный сайт. При всей анекдотичности этой истории она точно и наглядно характеризует стиль работы аппарата РАН, суть которого можно сформулировать как («никому ни до чего нет дела»). После истории с переводом как-то трудно всерьез воспринимать довод оппонентов реформы, что нынешнее административное подчинение институтов Академии якобы гарантирует хотя бы минимальную компетентность лиц, принимающих решения.

“Пока государство было не в состоянии финансировать науку, оно не вмешивалось во внутреннюю жизнь академического сообщества”.

заглянул кто-то любознательный. То, что он там увидел, на несколько дней сделало сайт РАН новостью №1 в Рунете. Читающая часть населения с интересом узнала, что в системе нашей национальной академии существуют «институт белки» (*Squirrel institute*), «ботанический печальный институт» (*Botanic sad-institute*), вовсе непереволимый обратно на русский *Institute of Vostokovedeniya* и прочие удивительные учреждения, а названия большинства институтов самого разного профиля содержат упоминания о каких-то «ранах» (*wounds*). Дополнительно не повезло институтам, носящим имена выдающихся ученых: на сайте Академии они выглядели, например, так: *Institute of organic chemistry of them. N of D of Zelinskogo*. Не сразу и поймешь, что загадочное *them*. — это перевод русского «им.», понятого не как сокращение от «имени», а как местоимение «они» в дательном падеже.

Ларчик открывался просто: неведомый сотрудник аппарата Президиума, получив список подведомственных учреждений Академии на русском языке и указание перевести его на английский, просто засунул документ в программу автоматического

Конечно, это всего лишь частный случай, притом не относящийся к основной деятельности Академии. Не секрет, что интернет-сайты (а тем более их англоязычные «зеркала») даже в солидных российских организациях и по сей день нередко воспринимаются как элемент скорее декоративный, нежели функциональный. Так что обратимся непосредственно к деятельности РАН по управлению институтами и другими исследовательскими учреждениями.

Уже в этом году, после выхода постановления правительства об обязательной оценке эффективности научно-исследовательских и учебных учреждений, РАН взялась за соответствующую проверку подведомственных ей структур. Правда, критерии, по которым оценивалась эффективность институтов и научных центров, внятно изложены не были: общественности сообщили лишь, что критерии, предложенные Минобрнауки, для учреждений РАН не подходят, и Академия разработала свои собственные показатели эффективности. Зато результат проверки говорил сам за себя: из 370 проверенных учреждений неэффективным было призна-

но... одно — Центр скифо-аланских исследований имени Абаева Владикавказского научно-го центра РАН. Чем именно владикавказские скифоведы не угодили строгим ревизорам, остается лишь догадываться. Важнее другое: все остальные организации признаны эффективными, причем большинство — «абсолютно эффективными». В том числе, например, Полярно-альпийский ботанический сад-институт в Апатитах, в последние годы фактически превратившийся в фундаменталистскую миссию. На его базе проходят креационистские «чтения», а его впавший в религиозный восторг директор (между прочим, член-корреспондент РАН) на полном серьезе печатает статьи о том, что охранять нужно лишь те виды живых существ, которые не участвовали в грехопадении Адама и Евы (с длинным и подробным обсуждением критериев, по которым это неучастие можно определить). «Абсолютно эффективен» и другой региональный научный центр РАН, чей директор (действительный член Академии, а с июня 2013 года — член обновленного, «фортовского» Президиума) столь же серьезно во всеуслышание утверждает, что в морской воде скорость распада радионуклидов меняется (и потому, мол, жидкие радиоактивные отходы можно спокойно сливать в море), и предлагает привлечь к охране морских границ РФ специально выдрессированных боевых кашалотов... Ну и что такого, в самом деле? Если академик или членкор публично несет полный бред и демонстрирует незнание азбучных истин, это еще не повод сомневаться в его достоинствах как ученого и руководителя научного центра.

Принципиальность на вынос

На этом месте, вероятно, многие скажут: да не может быть! Разве не Академия выступает сегодня одним из немногих очагов (и притом самым авторитетным) сопротивления наступающему мракобесию? Разве не она

создала в своих рядах специальную комиссию по противодействию лженауке? Разве не она преградила дорогу пресловутому Петрику — и не изменила своей принципиальной позиции даже тогда, когда высокопоставленный (в ту пору) поделщик шарлатана во всеуслышание выразил свой вельможный гнев, сравнив академиков с гонителями Джордано Бруно и Галилея?

«Казус Петрика» действительно чрезвычайно показателен для понимания того, что представляет собой сегодня РАН. Мужественное и ответственное поведение Академии в решительный момент заслонило в глазах широкой публики предысторию скандала. Мало кто сегодня помнит, что всего за несколько месяцев до открытого столкновения целый ряд академиков и член-корреспондентов, включая и некоторых руководителей РАН, ездили на поклон в вотчину Петрика во Всеволожске и публично, под видеозапись воздавали хвалу «выдающимся достижениям» прожженного шарлатана. Ролики с этими дифирамбами до сих пор можно увидеть на сайте фирмы Петрика «Золотая формула».

Напомним, что сама по себе деятельность очередного псевдоученого с богатой уголовной биографией до поры до времени особого интереса не вызывала: подобных фигур в современной России сотни, на каждого фрика не наздравствуешься. То, что данный персонаж вхож в самые высокие кабинеты, а его «исследования» и «разработки» финансируются из кармана российского налогоплательщика, воспринималось как факт печальный, но не удивительный. Даже беспрецедентные размеры бюджетного куска, на который нацелился Петрик (как известно, первоначально общий объем придуманной под него федеральной целевой программы «Чистая вода» оценивался в 15 *триллионов* рублей), как и демонстративная бесстыжесть «конкурса», оформлявшего передачу Петрику подряда на

эту программу, хоть и произвели некоторое впечатление на общество, но бурной реакции не вызвали. По-настоящему напугали заинтересованную общественность именно визиты и похвалы академиков. Складывалось впечатление, что не сегодня-завтра заведомое шарлатанство получит в той или иной форме официальный «сертификат научности» из рук высшей национальной научной инстанции. Что фактически будет означать дискредитацию любых суждений российского научного сообщества в дальнейшем: если национальная

воспринимать как шутку. Остальные всевозможские паломники просто отмолчались. Если эта история и повредила их репутации в глазах коллег, то внешне это никак не проявилось: бывшие гости Петрика по-прежнему регулярно бывают рекомендованы в разного рода экспертные комиссии, а Алдошин сохранил пост вице-президента и главы отделения даже после смены президента Академии и значительного обновления ее Президиума. И вероятно, сегодня вместе с коллегами подписывает возмущенные декларации о том,

“История с аферой Петрика показала неспособность РАН критически оценивать деятельность своих членов”.

академия страны признает подобную деятельность наукой, значит, в этой стране просто нет никого, кто понимал бы, что такое наука.

Реальность такой перспективы побудила к действию равнодушных людей как в Академии, так и вне ее. По инициативе Отделения физических наук и комиссии по борьбе со лженаукой (и при посильной помощи Клуба научных журналистов) вопрос об отношении РАН к деятельности Петрика был вынесен на обсуждение общего собрания Академии. Результатом стало учреждение «комиссии Тартаковского», выводы которой не только спасли честь российской науки, но и в конечном счете предотвратили одну из самых масштабных афер последнего времени. Во всеобщем ликовании по этому поводу потонул тот малоприметный факт, что Академия так и не решилась как-либо оценить действия тех своих членов, которые фактически «крышевали» деятельность Петрика. Самый высокопоставленный из гостей Петрика — глава Отделения химии и наук о материалах академик Сергей Алдошин — дал понять, что его прежние слова о «достижениях» Петрика следует

что предложенный проект реформы РАН свидетельствует о полном отсутствии уважения к российской науке.

Речь, разумеется, не о моральных качествах того или иного конкретного лица. Никакой самый избранный круг не гарантирован от попадания в него недостойных — даже в общине апостолов оказался Иуда. В истории с аферой Петрика нам сейчас важно не то, как повел себя тот или иной академик, а то, что она наглядно показала неспособность РАН критически оценивать деятельность своих членов даже тогда, когда эта деятельность явно противоречит и профессиональным требованиям, и элементарной этике — как корпоративной, так и общечеловеческой. Странно было бы ожидать, что корпорация, руководствующаяся такими принципами, сможет принимать разумные управленческие решения в отношении подведомственных ей организаций. Ведь любое решительное перераспределение ресурсов (не говоря уж о таких шагах, как смена руководителя, а тем более — ликвидация учреждения, слияние, сокращение и т. д.) непременно заденет интересы того или

иною члена корпорации, то есть вступит в противоречие с ее главной ценностью. Единственная доступная такой корпорации управленческая политика — это, невзирая ни на что, сохранять статус-кво, распределяя поступающие ресурсы согласно сложившимся пропорциям и ничего нигде не меняя. Фарсовые результаты «проверки эффективности учреждений системы РАН» можно было предсказать заранее. Они отражают вовсе не желание Академии поиздеваться над правительственным поручением или бросить вызов своим оппонентам, а ее орга-

институтам, но и по всем лабораториям и службам каждого из них. Ничего другого коллективный разум РАН не смог породить даже перед лицом реальной угрозы утраты всех властных полномочий.

Впрочем, и тогда, и позже Академии все же удалось сохранить свои управленческие prerogatives, отделавшись лишь некоторым ограничением автономии (в частности, согласившись на то, что избранного президента РАН должен еще утвердить президент РФ, а устав Академии — правительство страны). Однако на сей раз терпение президента,

“Руководство РАН могло не знать сроков и деталей, но ни сам факт готовящейся атаки, ни ее общая направленность тайной для него быть не могли”.

ническую неспособность принять решение, сколько-нибудь конфликтное по отношению к собственным членам.

Поэтому сетования новоизбранного президента РАН Владимира Фортова на то, что правительство, мол, внесло нынешний законопроект, даже не поинтересовавшись намерениями самих ученых, которые-де два года обсуждали реформу Академии и разработали ее детальный план, выглядят либо наивностью, либо лукавством. И правительство, и прочие заинтересованные лица уже имели возможность на практике оценить реформаторские возможности Академии. Попытки реформировать ее предпринимались уже неоднократно, начиная с 2004 года. И первую из них руководству РАН удалось отбить именно под честное слово, что Академия сама себя реформирует. «Реформа» свелась к учреждению в Президиуме должности «вице-президента по реструктуризации» (им стал академик Валерий Козлов) и 20-процентному сокращению штатов — в лучших традициях академического менеджмента аккуратно разверстанному поровну не только по всем

похоже, лопнуло. Многие комментаторы связывают внезапно проснувшуюся в главе государства политическую волю с личной обидой за своего протеже — Михаила Ковальчука: несговорчивые академики не только несколько раз подряд забаллотировали его на выборах в действительные члены РАН (что закрывает ему дорогу на руководящие должности в Академии), но и дважды подряд не утвердили директором Института кристаллографии.

Возможно, принцип «оскорбивший слугу — оскорбил хозяина» и сыграл какую-то роль, но намерение всерьез взяться за Академию, судя по всему, созрело у Владимира Путина значительно раньше. Видимо, именно оно продиктовало назначение на пост министра образования и науки Дмитрия Ливанова — центральной фигуры предыдущей попытки реформировать Академию (Ливанов в ту пору был заместителем министра и ушел в отставку, когда стало ясно, что реформы не будет) и соавтора программной статьи 2011 года «Верните действенность науке»³, в которой излагался развернутый план реструктуризации фундаментальной науки в стране. Трудно

отделаться от впечатления, что Ливанова и его команду целенаправленно пригласили для «окончательного решения академического вопроса». О том же свидетельствовала и пиаровская перестрелка между Минобрнауки и РАН, начавшаяся примерно за полгода до объявления планов реформы и шедшая явно по нарастающей. Так что возмущение академиков (и вставших на их защиту представителей общественности) «внезапностью» и «секретностью» подготовленной реформы, мягко говоря, не вполне искренне. Руководство РАН могло не знать сроков и деталей, но ни сам факт готовящейся атаки, ни ее общая направленность тайной для него быть не могли.

«Мириться лучше со знакомым злом...»

Собственно, после всего вышеизложенного удивляться следует не тому, что федеральные власти решились наконец серьезно реформировать систему учреждений фундаментальной науки, а тому, что они так долго терпели нынешнее положение. Не вызывает удивления и то, что все «бессмертные» с редким для них единодушием и решительностью воспротивились затеянной реформе: было бы странно, если бы Академия повела себя как-то иначе. Однако против намечаемых новаций активно выступило практически все российское научное сообщество, связанное с фундаментальными исследованиями, — те самые сотрудники академических институтов, которых намеченные изменения должны освободить от бестолкового «академического» менеджмента. В том числе те, кто в предыдущие годы не раз жестко критиковал Академию и ее руководство. Как бы ни относиться к такой позиции ученых, просто отмахнуться от них как от несмышленишей, которые сами не понимают своего интереса, а потом еще спасибо скажут, не получится.

Хотя читая высказывания некоторых критиков реформы, и в самом деле начинаешь

сомневаться в том, что это пишут взрослые люди. «Однако в [нашем институте] есть люди, которые работают. И им для этого требуется оборудование и реактивы. И на данный момент в какой-то степени еще есть возможность их покупать. Предполагаемая реформа — о том, что такой возможности не будет», — пишет в своем комментарии научный сотрудник одного из институтов РАН. Невозможно поверить, что ученый с немалым опытом исследовательской работы (в том числе и в сотрудничестве с зарубежными коллегами) может всерьез полагать, будто оборудование, реактивы и прочие необходимые для работы ресурсы могут поступать в институты только из «дома с квадратными мозгами» на Калужской заставе, а в случае переподчинения научных учреждений какому-то иному ведомству поток этих благ немедленно иссякнет⁴.

На первый взгляд столь же наивной и безосновательной выглядит уверенность абсолютного большинства комментаторов в том, что реформа — это всего лишь предлог для отъема и распродажи якобы принадлежащей сегодня РАН недвижимости (разумеется, с последующим «распилом» вырученных средств). Смешно, в самом деле, думать, что для распродажи *своей* собственности государству так уж важно, какое именно ведомство в данный момент ею управляет. Однако давайте переформулируем этот наивный аргумент в виде вопроса: а способно ли вообще российское государство на какие-либо осмысленные преобразования в любой сфере? Известны ли нам примеры проведенных им успешных реформ?

Редкое обсуждение нынешней реформы РАН обходится без упоминания о бесславном завершении реформ армейского хозяйства, проводившихся прежним руководством Министерства обороны. Вполне разумная идея — освободить армию от несвойственных ей хозяйственных функ-

ций, передав их внешним подрядчикам, — обернулась при реализации столь грандиозными хищениями, что сейчас уже невозможно определить, был ли у этого начинания какой-либо иной результат. Практически все недавние попытки радикально изменить что-то в прочих сферах либо сводились к сугубо формальным переименованиям (как реформа органов внутренних дел), либо приводили к заметному ухудшению положения в реформируемой сфере (как, например, в лесном хозяйстве после принятия нового Лесного кодекса). Даже такая

упоминания о «специфике нашей сферы» исключительно как попытку нерадивых подчиненных уклониться от требований эффективности?

Психологическое отчуждение научного сообщества (да и всего образованного общества) от нынешнего государства настолько сильно, что даже сам двусмысленный статус РАН становится в его глазах ценностью, создавая хотя бы *иллюзию автономии*. Прекрасно понимая полную несостоятельность РАН и ее аппарата как оперативно-управленческой структуры, многие сотрудники академиче-

“Разработанный в глубокой тайне проект реформы РАН был воспринят как пощечина профессиональному сообществу и обществу в целом”.

ограниченная и более или менее успешно реализованная новация, как ЕГЭ, до сих пор вызывает раздражение в обществе — чему немало способствует сопровождающая ее нескончаемая череда скандалов⁵.

В свете такой «реформаторской истории» попытки федерального государства (в чьем бы то ни было лице) выступить в роли мудрого отца, облеченного правом решать за своих неразумных детей, в чем состоит их благо, выглядят, мягко говоря, необоснованными. Ученых, недоумевающих, почему они должны верить, что на сей раз все получится «как лучше», а не «как всегда», нетрудно понять. Откуда возьмутся кадры для будущего агентства, что это будут за люди, каковы будут их приоритеты при принятии решений? Где гарантии, что там не окажутся лица, рассматривающие свои служебные полномочия исключительно как средство удовлетворения частных коммерческих интересов? Или хуже того — «эффективные менеджеры», полагающие, что свеженький сертификат МВА позволяет успешно управлять чем угодно, и воспринимающие любые

ских институтов тем не менее предпочитают оставаться под ее сенью, дающей хотя бы видимость защиты от рыскающего снаружи монстра-государства.

Что могут противопоставить этому сильнейшему (и в значительной мере обоснованному) социальному страху идеологи и архитекторы реформы? Пока только слова о ставке на научную группу как основное звено организации фундаментальной науки, о конкурсном распределении, по крайней мере, половины выделяемых на науку средств, о налаживании системы экспертизы проектов и оценки подразделений — словом, о перестройке организационных форм российской науки в соответствии с требованиями науки мировой. Эти слова не могут не радовать — но пока что это всего лишь обещания. Даже если не сомневаться в компетентности и личной честности Дмитрия Викторовича Ливанова — в конце концов он всего лишь чиновник, обязанный выполнять распоряжения вышестоящих инстанций, несмотря на то что лично ему очевидна их бессмысленность и вреднос-

ность (как это было, например, при решении вопроса о введении школьной формы). Кто может гарантировать, что завтра ему не прикажут что-нибудь, в корне противоречащее его сегодняшним словам? Или что завтра его не сменит в кресле министра какой-нибудь Бурматов, Мединский или Пожигайло, а «конкурсное финансирование» не пойдет прямоком в карман очередному Петрику?

Возразить на эти опасения, в самом деле, трудно ⁶. Однако инициаторы реформы не только не попытались это сделать, но и словно нарочно дали дополнительные основания для подобных предположений.

Бабушка, а зачем тебе такая большая Академия?

В этом смысле уже сам исходный законопроект выглядел довольно странно. Помимо вызвавшего наибольшие страсти положения о выводе институтов из подчинения Академии он, как известно, предусматривает слияние РАН с РАМН и РАСХН (с автоматическим присвоением членам этих академий статуса полноправных академиков). Действительными членами реорганизуемой Академии должны стать и нынешние член-корреспонденты РАН, в результате чего общая численность «бессмертных» достигнет фантастической цифры в полторы-две тысячи ⁷. Правда, законопроект предусматривает возможность ее уменьшения не только путем естественной убыли, но и через исключение из Академии тех ее членов, которые не исполняют или ненадлежащим образом исполняют свои обязанности.

Идею «апгрейда» член-корреспондентов еще можно как-то понять: эта архаичная институция, застрявшая в уставе Академии с XVIII века (в котором ее смысл был совсем иным, нежели теперь), сегодня и впрямь смотрится довольно нелепо ⁸. Слияние ака-

демий имело бы некоторый смысл в случае сохранения за РАН статуса «министерства фундаментальной науки» (в самом деле, если уж иметь в структуре государственного управления такого кентавра, то хотя бы одного, а не трех). Возможность исключения из академиков предусмотрена в уставах некоторых зарубежных академий, в том числе и весьма авторитетных (например Леопольдины — национальной академии Германии) и, вероятно, в отдельных случаях, как мы видели выше, могла бы быть даже полезна. Но в контексте отечественной истории и установившегося в стране политического климата она однозначно воспринимается как рычаг давления на несогласных. В любом случае эти новации никак не соответствуют декларируемой цели превращения Академии в элитарный научный клуб. Сочетание их с лишением Академии административных функций производит впечатление попытки обойти столб одновременно справа и слева — с предсказуемым результатом.

Но те основания для недоверия реформаторам, которые дает сам текст законопроекта, меркнут и бледнеют по сравнению с впечатлением, которое произвели на научное сообщество методы его подготовки и реализации. Разработанный в глубокой тайне (в том числе и от общественных структур при самом министерстве — Общественного совета и Совета по науке) и продавленный через правительство и Думу откровенным силовым нажимом, проект — даже независимо от тех или иных своих конкретных положений — не мог быть воспринят иначе как пощечина профессиональному сообществу и обществу в целом. Конечно, в недавнем прошлом РАН не раз демонстрировала поразительную способность уклоняться от любых перемен, так что можно понять министра, который, зная об этом, избрал стратегию блицкрига. И звучащее ныне в возмущен-

ных декларациях и резолюциях требование «широкого общественного обсуждения» отдает изрядным лукавством: именно РАН в течение всего времени своего существования либо игнорировала идею вывода институтов из-под ее управления, либо отвечала на нее возмущенными эмоциональными возгласами, не вступая в разговор по существу. Что могут дать требуемые общественностью «два месяца» там, где оказалось мало двадцати с лишним лет?

Однако если смотреть не в прошлое, а в будущее, то приходится констатировать: каковы бы ни были резоны реформаторов, результатом избранного ими образа действий стал открытый конфликт практически со всем научным сообществом. «Заменяв тяжелую планомерную работу по завоеванию доверия научного сообщества на административно-бюрократический трюк, министерство рискует оказаться в ситуации, когда реформы придется проводить при активном сопротивлении реформируемых, даже тех из них, кто от этих реформ мог бы выиграть», — с горечью пишет соавтор Дмитрия Ливанова по вышеупомянутой программной статье 2011 года профессор Михаил Гельфанд⁹. Причем речь идет не только о самой реформе, но и о любых нынешних и будущих начинаниях министерства. В самом деле, много ли стоят правильные слова руководителей Минобрнауки о курсе на повышение роли научного сообщества, об обязательном учете мнения специалистов при принятии ответственных решений и т. д., если это самое сообщество и эти самые специалисты были откровенно посланы по известному адресу при решении весьма ответственного (и притом напрямую касающегося их) вопроса? «Боюсь, что заметное число ярких, содержательных и пользующихся доверием сообщества ученых долгое время не захочет иметь

никакого отношения к инициативам и проектам министерства», — резонно замечает по этому поводу профессор Гельфанд¹⁰, и его неутешительный прогноз начинает сбываться с пугающей скоростью. Уже в первые дни после обнародования планов реформы РАН целый ряд ее членов объявил о своем отказе войти в состав будущей «обновленной» Академии. На момент написания этих строк в списке «отказников» значится 73 имени — и это совсем не те лица, к которым хотелось бы применить пункт об «исключении за ненадлежащее исполнение».

Между тем вывод научных учреждений из прямого подчинения Академии сам по себе не панацея, а всего лишь первый шаг на долгом пути структурной организации науки. И практически все последующие действия могут быть успешны только при условии, что в них будут прямо участвовать сами ученые — причем лучшие, пользующиеся авторитетом как в национальном, так и в мировом научном сообществе. Именно они должны проводить аудит научных учреждений, оценивать заявки на гранты, разрабатывать регламенты экспертиз и проводить сами экспертизы и вообще делать огромную работу, которая не может быть переложена на чиновников (по крайней мере, если ее заказчика интересует результат). Но после всего, что произошло, привлечь действительно сильных ученых к такой работе будет невероятно трудно — причем уже вне зависимости от того, чем кончится сейчас борьба вокруг законопроекта.

В истории России уже не раз бывало, что вполне разумные замыслы — от церковной реформы XVII века до внедрения в культуру картофеля — воплощались в жизнь так, что именно наиболее подходящие для них люди оказывались их яркими противниками. Похоже, сейчас нам предстоит увидеть очередной римейк этого надоевшего сюжета. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ Так, например, накануне печально знаменитой сессии ВАСХНИЛ 1948 года отдел науки ЦК ВКП(б) во главе с Юрием Ждановым до последнего момента пытался предотвратить разгром советской биологии и прекратил свои усилия только после прямого окрика Сталина, в то время как Академия, терроризированная недавними репрессиями, осталась пассивным наблюдателем событий.

² Так, например, для Института океанологии РАН немалым подспорьем оказалось сотрудничество со знаменитым продюсером Джеймсом Кэмероном, использовавшим подводные обитаемые аппараты «Мир» для съемок своего «Титаника». Это сотрудничество не только позволило российским океанологам целый сезон работать в Атлантике, но и послужило их аппаратам хорошей рекламой в дальнейшем.

³ Гельфанд М., Ливанов Д. Верните действительность науке // Эксперт. 2011. № 38 (771) (<http://expert.ru/expert/2011/38/vernite-dejstvennost-nauke/>).

⁴ Как ни странно, даже в этом наивном страхе есть доля правды. Обычная беда всех российских реорганизаций — отсутствие должной синхронности изменений, когда новый порядок вводится в действие еще до принятия (а то и до разработки) тех административно-правовых механизмов, которые необходимы для его реализации. Результатом становится ситуация, подобная положению на кинофабрике №1 из «Золотого тельника»: старый порядок *уже* не действует, новый — *еще* не действует. Так что перспектива остаться без поставок — если не навсегда, то, как минимум, на несколько месяцев — в свете первоначального текста законопроекта выглядела вполне реальной. В этом отношении поправка, предусматривающая введение переходного периода, представляется весьма разумной.

⁵ Последний из них, связанный со «сливом» в интернет эталонных образцов ответов, разразился

уже в этом году и привел к отставке профильного заместителя министра образования именно в тот момент, когда министерство перешло к решительным действиям в отношении РАН.

⁶ Как ни странно, возможный ответ мне подсказал один из самых яростных критиков реформы в блогосфере, написавший в очередном комментарии, что российские вузы уже лет десять реформируют в том же направлении, в котором сейчас должны переделывать систему РАН, — ну и где, мол, результаты? Действительно, перемены в вузах начались гораздо раньше, пережили и череду провозглашенных национальных приоритетов, и смену первых лиц в управляющем ими министерстве — однако не привели ни к каким из тех бед, которыми пугают сегодня общество российские ученые. Вузовская наука не уничтожена, принадлежащая вузам недвижимость не отобранана и не распродана, массовых увольнений сотрудников не было. Напротив, за последние годы именно в вузах наметилась отчетливая тенденция к повышению уровня научных исследований, к интеграции в мировое научно-учебное сообщество и к избавлению хотя бы от наиболее уродливых форм коррупции и имитации науки.

⁷ Если в состав обновленной Академии будут включены только член-корреспонденты РАН и действительные члены двух других академий, то общая численность ее составит 1630 человек. Если же член-корреспонденты РАН и РАСХН также будут повышены до академиков, то эта цифра возрастет до 1997 человек.

⁸ Хотя очень трудно отделаться от впечатления, что главная цель этой меры — открыть дорогу к руководящим должностям М. В. Ковальчуку, которого Кремль явно хотел бы видеть президентом Академии, а сами академики упорно не хотят даже избирать в ее состав.

⁹ Гельфанд М. Блицкриг // Троицкий вариант. 2013. № 13 (132). 2 июля (<http://trv-science.ru/2013/07/02/blitzkrieg/>).

¹⁰ Там же.